

КЕЙСЫ И МЕХАНИЗМЫ

Евгений Иванов,

Лаборатория мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ

ЧЕТЫРЕ ВОЛНЫ БИТВЫ ЗА ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

ПЕРВАЯ ВОЛНА: КОНСОЛИДАЦИЯ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Проблема преемственности оставалась одной из важнейших для постсоветских режимов на протяжении всей их истории.

Уже в 1990-е годы продление полномочий действующих лидеров стало ключевым элементом консолидации авторитарных режимов в странах Центральной Азии и Белоруссии. В этом направлении «патроны» проделали долгий путь от продления полномочий на несколько лет до установления фактически пожизненного правления.

На первой стадии целью проводившихся референдумов было увеличение сроков президентства и возрастных ограничений. Первым, кто использовал плебисцитную лазейку, был туркменский лидер Сапармурат Ниязов. Переизбравшись на президентский пост в 1992 г., он в январе 1994-го продлил свои полномочия сразу до 2002 г. Его примеру последовали Ислам Каримов (март 1995 г.), Нурсултан Назарбаев (апрель 1995 г.), Александр Лукашенко (ноябрь 1996 г.).

Затем были референдумы об увеличении сроков президентских полномочий в Таджикистане (сентябрь 1999 г.) и Узбекистане (январь 2002 г.). Из постсоветских политиков Аскар Акаев стал последним, кто использовал плебисцит для прямого продления полномочий (февраль 2003 г.). Президентский срок Акаева истек в 2005 г., но незадолго до его формального завершения в Киргизии началась «тюльпановая революция», и Акаев был вынужден покинуть страну.

Те «патроны», которые смогли преодолеть турбулентность первой постсоветской декады, сделали следующий шаг для укрепления своей власти: для Сапармурата Ниязова (2003 г.), Эмомали Рахмона (июнь 2003 г.), Александра Лукашенко (октябрь 2004 г.), Нурсултана Назарбаева (2007 г.) были отменены ограничения по срокам. Первый президент Приднестровья Игорь Смирнов также пользовался отсутствием такого ограничения на протяжении своих четырех сроков. После поражения Смирнова в его пятой президентской кампании ограничения на количество сроков были введены.

Так завершилась первая стадия консолидации постсоветских автократий в руках лидеров первого поколения

ВТОРАЯ ВОЛНА: ПРЕЕМНИКИ И ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ АВТОКРАТОВ

В дальнейшем референдумы использовались реже. Для увеличения сроков — лишь дважды, в Киргизии (октябрь 2007 г.) и Азербайджане (сентябрь 2016 г.). В России в 2008 г. и Туркмении в 2016 г. президентские сроки были увеличены без референдума. А недемократические передачи власти в Азербайджане в 2003 г. и в Туркмении в 2007 г. открыли эпоху автократов второго поколения.

В 2003 г. состояние здоровья Гейдара Алиева, управлявшего страной 10 лет, ухудшилось. За год до этого в стране прошел референдум, на котором была уменьшена доля голосов, необходимая для избрания президентом (с двух третей до 50% + 1 голос), а также изменен порядок замещения должностей (от президента к премьеру, а не к спикеру парламента). В преддверии выборов Гейдар Алиев назначил своего сына Ильхама, который наряду с отцом зарегистрировался кандидатом в президенты, главой правительства (прежний премьер Артур Расизаде был переведен в первые заместители); за две недели до голосования Алиев-старший отказался от участия в выборах. Алиев-младший уверенно выиграл выборы, а Артур Расизаде был возвращен на должность премьера. Таким образом, был осуществлен первый на постсоветском пространстве династический транзит, в ходе которого политическая конструкция в целом была сохранена с одной лишь заменой — отца на сына.

В Туркменистане после смерти Сапармурата Ниязова преемником был назначен вице-премьер Гурбангулы Бердымухамедов. По окончании своих первых президентских сроков Алиев-младший и Гурбангулы Бердымухамедов приступили к процедуре отмены ограничений на их количество (Азербайджан — 2009 г., Туркменистан — 2016 г.).

В прочих постсоветских странах (за пределами четырех центральноазиатских, Азербайджана и Беларуси) ограничения по срокам не отменялись, а кое-где даже ужесточались (Киргизия, 2010 г.). Здесь, однако, началась волна операций по передаче власти «преемнику», как успешных, так и провальных.

Провал, как правило, был связан с «цветными революциями»: Грузия-2003, Украина-2004/2005, Кыргызстан-2005. Впрочем, и среди успешных случаев трансфера власти к «преемнику» (Россия-2000, Армения-2008, Россия-2008, Россия-2012) некоторые сопровождались массовыми протестами (Армения-2008, Россия-2012). Массовыми протестами сопровождались в 2000-е годы и некоторые «переизбрания» в авторитарных странах (Азербайджан в 2003 и 2005 гг., Беларусь в 2006, 2010 гг.).

Ильхам Алиев и Александр Лукашенко сравнительно легко смогли подавить сопротивление оппозиции. В Армении протесты обернулись жестким противостоянием митингующих с полицией, что привело к жертвам с обеих сторон. Уходящему президенту Армении Роберту Кочаряну все же удалось передать власть своему преемнику Сержу Саргсяну. Но в целом в этих странах в 2000-х — начале 2010-х годов (в том числе в России в 2012 г.) население

не сумело противостоять запущенным сценариям недемократического перехода власти.

Самым ярким примером провалившегося трансфера являлась Украина. В ходе «бунта миллионов против миллиардеров» к власти пришел Виктор Ющенко, а договоренности олигархических групп с востока страны оказались под угрозой. Тем не менее Виктор Янукович сумел сначала сформировать коалицию в парламенте и стать премьером, а затем выиграть президентские выборы. Впрочем, и ему не удалось закрепить доминирование — его президентский срок был прерван Евромайданом. И хотя Украина остается режимом конкурентной олигархии, электоральные процессы играют здесь значимую роль. Ни одному президенту после Леонида Кучмы не удалось переизбраться на второй срок.

Первым большим успехом модели «преемника» стала передача власти от Бориса Ельцина к Владимиру Путину. Последующий трансфер власти от Путина к Дмитрию Медведеву, хотя и был успешным с точки зрения конечного результата, оказался промежуточной фазой на пути к авторитарной консолидации после того, как Путин вернулся в президентское кресло в 2012 г. Здесь значимость электоральных процедур, наоборот, снижалась.

Любопытен казус Абхазии. В 2004 г. ее первый президент Владислав Ардзинба вынужден был уйти в связи с тяжелой болезнью. Ардзинба прямо указал, что хотел бы видеть своим преемником Рауля Хаджимбу, которого поддерживала «семья» Ардзинбы. Однако тот уже в первом туре проиграл Сергею Багапшу. Его сторонники начали оспаривать результаты выборов, и Верховный суд Абхазии признал их недействительными. После чего начался тяжелый политический кризис, чуть не обернувшийся гражданской войной. При посредничестве Москвы, поддержавшей Хаджимбу, удалось достичь компромисса: на новых выборах Багапш и Хаджимба выдвигались как кандидаты на пост президента и вице-президента.

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНЫ. ИНСТИТУТ «СЕМЬИ»

Третья волна переходов пришлась на 2016–2019 гг. и включает в себя вступление в должность президента Шавката Мирзиёева после смерти Ислама Каримова в Узбекистане (2016 г.), неудачную попытку Сержа Саргсяна стать премьер-министром по истечении его второго президентского срока (2018 г.) и переход власти к преемникам в Киргизии (2017 г., от А. Атамбаева к С. Жээнбекову) и Казахстане (2019 г., от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву)¹.

Впереди — четвертая волна, которая придется на 2020-е годы. В неконсолидированных режимах стимулы к периодической ротации элит возникают вследствие внутренней поляризации, борьбы за ренту и гибридной институциональной основы. Для консолидированных авторитаризмов более актуальна

---

1 Подробнее об этих кейсах см. в материалах А. Дубнова, А. Искандаряна и А. Чеботарева.

проблема старения режима, связанная не только с биологическими причинами, но еще и с износом политической конструкции (накопление внутренних конфликтов, появление новых системных вызовов, снижение эффективности политико-экономической модели, прежде всего в сырьевых экономиках). При этом уже состоявшиеся переходы и их последствия оказывают влияние на выбор сценариев для новых. Так, под влиянием событий в Узбекистане президент Казахстана скорректировал и ускорил запуск собственного сценария перехода.

В ближайшие годы нам предстоит увидеть завершение трансфера власти в Казахстане, за которым будут пристально наблюдать прочие авторитарные лидеры. А в 2022 г. Эмомали Рахмон и Владимир Путин перешагнут 70-летний рубеж. Путин, кроме того, ограничен действующей конституцией, которая не позволяет ему вновь баллотироваться в 2024 г. На референдуме 2016 г. для Рахмона было отменено ограничение количества сроков и принят закон о его статусе «лидера нации» (по примеру казахского). Был также снижен возрастной ценз для претендента на президентский пост с 35 до 30 лет, что теоретически позволяет сыну президента Рустаму Эмомали выдвигать свою кандидатуру уже на выборах 2020 г.

Вообще, институт «семьи» играет значительную и, возможно, даже возрастающую роль в структуре власти и сценариях недемократических переходов в постсоветских странах. О феномене «семьи» заговорили в последние годы правления Бориса Ельцина. Речь шла о дочери президента, занимавшей пост его советника, ее муже Валентине Юмашеве, возглавлявшем президентскую администрацию, и группе связанных с ними бюрократов и олигархов, занимавшихся, в частности, реализацией сценария передачи власти от Ельцина к премьерику Путину.

Унаследовавший власть от отца Ильхам Алиев, укрепляя династические принципы власти, в 2017 г. назначил свою жену Мехрибан Алиеву (Пашаеву) на специально учрежденный для этого пост первого вице-президента страны, что, в частности, дает ей право исполнять обязанности главы государства в случае недееспособности или отставки президента. В то же время укрепление влияния семьи сыграло важную роль в свержении в 2005 г. Аскара Акаева в Киргизии.

Оттесненными от власти оказались семьи авторитарных лидеров первого поколения в Туркменистане и Узбекистане. В Туркмении семья Ниязова вела себя пассивно и была вынуждена покинуть страну, потеряв большую часть активов. Старшая дочь узбекского лидера Ислама Каримова Гульнара попала в опалу еще при жизни отца. В Казахстане, наоборот, семья Назарбаева давно играет ключевую роль в политической и деловой жизни страны. Гарантией ее позиций в условиях начавшегося транзита стало назначение старшей дочери Дариги председателем Сената, к которому переходят полномочия главы государства в случае его недееспособности или отставки. А первым заместителем главы Комитета национальной безопасности стал племянник Назарбаева Самат Абиш.

Как уже было сказано, все более важную роль в преддверии возможного транзита власти в 2020-е годы играет семья в системе власти в Таджикистане. В качестве карьерного трамплина сын Эмомали Рахмона получил должность мэра столицы — Душанбе, а его сестра, старшая дочь президента Озода Рахмон, стала руководителем Администрации президента.

Главной силовой опорой нового президента Узбекистана Мирзиёева является связанная с ним семья Турсуновых. Сват Мирзиёева — генерал Батыр Турсунов был назначен заместителем главы Службы государственной безопасности, его сыновья Улугбек и Ойбек (муж старшей дочери Мирзиёева — Саиды) занимают должности первого замначальника ГУВД Ташкента и заместителя руководителя президентской администрации соответственно. Младший зять Мирзиёева Отабек Умаров возглавляет службу личной охраны президента.

Как и сын таджикистанского лидера, сын туркменского автократа второго поколения Бердымухамедова Сердар делает стремительную политическую карьеру, к 37 годам дослужившись до заместителя главы МИД Туркмении. Таким образом, Бердымухамедов-старший получил возможность представлять его на международной арене. В Туркмении очередные президентские выборы пройдут в 2024 г., и для главы государства (согласно принятой в 2016 г. конституции) не предусмотрены никакие ограничения по количеству сроков. В любом случае к этому моменту его сын Сердар будет соответствовать формальным критериям, предусмотренным конституцией для кандидатов на высший пост (не младше 40 лет).

Как считают многие наблюдатели, Александр Лукашенко хотел бы видеть в качестве преемника своего младшего сына Николая. Однако, согласно действующей конституции, тот сможет претендовать на этот пост лишь в 2039 г., когда ему исполнится 35 лет. И даже если возрастной ценз будет снижен, передача власти вряд ли может состояться ранее начала 2030-х годов.

Подводя итог этому обзору нескольких волн трансферов власти в постсоветских странах, можно отметить следующее.

Во-первых, автократам удается успешно реализовывать сценарии «мягких трансферов» там, где зачатки демократических институтов, возникших в конце 1980-х — начале 1990-х, были практически сразу уничтожены и в дальнейшем укреплялись институты авторитарной модели. В таких режимах авторитарные лидеры ограничены лишь физическими ресурсами собственного организма.

Во-вторых, в тех режимах, где демократические практики смогли укрепиться, пусть в неполном и деформированном виде, лидеры столкнулись с необходимостью передачи власти другому лицу, что, в свою очередь, выводило систему из авторитарного равновесия, создавая альтернативные центры влияния; это происходило даже при «фасадных» заменах.

В-третьих, срывы трансфера власти в гибридных режимах начинались, как правило, с обвинений инкумбента в фальсификации итогов выборов. Поэтому там, где сохраняются конкурентные электоральные практики (а не референ-

думное одобрение по типу центральноазиатских стран), существует вероятность опрокидывания режимной конструкции.

В-четвертых, хотя авторитарная консолидация ведет к вырождению режимного каркаса и повышению рисков для системы в целом, такая стратегия выглядит оптимальной для самого инкумбента и его преемника; попытки же преодолеть системные ограничения и реализовать трансферт через формальную демократизацию оборачиваются дестабилизацией и срывом подготовленного сценария трансфера власти.

Александр Искандарян,
директор Института Кавказа (Ереван)

АРМЕНИЯ 1998–2018: ОТ БАРХАТНОГО ПЕРЕВОРОТА ДО БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как показывает постсоветская практика, в авторитарном персоналистском режиме передача власти происходит сравнительно легко. Власть либо передается по наследству, либо достается новому авторитарному лидеру, который ее подхватывает. Система остается примерно та же. Сложнее это происходит в режимах не настолько персонализированных и консолидированных. Это касается и Грузии, и Украины, и отчасти Молдовы.

Здесь на вершине пирамиды складывается консенсус, в котором взаимодействуют некоторые олигархи и государственная бюрократия (министры, военные и проч.). И в такой ситуации могут наступать сбои, когда одна часть коалиции поддерживает одного лидера, а другая — другого. Легитимность этой системы снижается, и происходит то, что произошло в Армении в 2018 г.: элиты не удерживают власть и случается революция.

Можно заметить также, что благополучная передача власти недемократическим путем происходит в основном в ресурсных странах, а там, где она периодически срывается, — это, практически без исключений, нересурсные страны. И в этом смысле, мне кажется, олигархи, о которых мы часто говорим, это такой зонтичный термин, которым мы обозначаем разные феномены. В ресурсных странах олигарх — это функция, его можно заменить на другого, на третьего. И тут большая роль силовиков очень естественна, потому что задачей является не заработать, а контролировать. А там, где нет ресурсов, олигарх совсем другая фигура. Он нечто производит, продает, и просто так его выгнать и назначить нового не получится. Одно-другого можно убрать, но схему изменить нельзя. С ними в целом приходится считаться и договариваться. И структура процесса передачи власти становится в результате совсем иной. У нас пришел Пашинян, а до этого был Саргсян, но продолжают дальше работать те же самые олигархи (теперь они называются крупными бизнесменами). Их пытаются выводить из тени, сделать что-